

Земляк в иллюминаторе

Главная звезда нынешнего Чеховского фестиваля — режиссер Робер Лепаж — возвращает России поэтический театр, который мы вначале подарили миру, а потом выбросили за ненадобностью

РИГОРИЯ БОСЧЕНКО

Нина Агишева

Когда на церемонии вручения Международной театральной премии имени Станиславского объявили: «Робер Лепаж, Канада» и к сцене направился смешной полноватый человечек в клетчатых панталонах, то в зале заволновались, а где сам Лепаж, он что, не приехал? В Москве уже знали, что Лепаж — это признанный во всем мире театральный режиссер, что он работает в цирке и в опере, ставит по обе стороны света, снимает фильмы, которые показывают в Канне, и не хотели признавать мэтра и гения в смущенном, неловком и будто сошедшем со страниц диккенсовской прозы человеке.

А открыл Лепажу Москве Театральный фестиваль имени Чехова. Если бы он вообще ничего не привез два года назад, кроме четырех спектаклей театра из Квебека Ex Machina, фестиваль и тогда был бы лучшим нашим театральным фестивалем, потому что поведаль задыхающимся в то лето от жары и

ДМИТРИЙ КОСТЯКОВ

засилья бездарных антреприз москвичам, что есть «другая жизнь и берег дальний». Что поэтический театр не химера и не воспоминание — а вот он, жив. Что театр — это вообще такая волшебная подзорная труба, куда заглянешь — и ты уже в Китае, на Луне или паришь над Парижем в образе странной прекрасной женщины в длинном платье, как в спектакле «Проект Андерсен».

Чтобы понять, из чего рождаются эти постановки, послушаем самого Лепажу. Поте-

В мире Робера Лепажу (внизу) от открытой стиральной машины до открытого космоса — один шаг (вверху — Лепаж в моноспектакле «Обратная сторона Луны»)

ряв мать, он хотел сделать спектакль «На другой день после смерти моей матери». Потом случайно увидел среди мусора огромный иллюминатор от стиральной машины — такой, какие бывают в прачечных — и вспомнил, как в детстве ходил с матерью в прачечную и не отрываясь смотрел на эти окна, которые напоминали ему космический корабль, и видел там не бельё в мыльной пене, а Вселенную. Так возник образ спектакля «Обратная сторона Луны» — круглая дверца стиральной машины, она же иллюминатор, через который можно выйти в космос, а еще круг Луны — он же циферблат часов, отсчитывающих наши дни. Этот моноспектакль Лепаж играет сам, рассказывая и историю покорения космического пространства, включая соперничество русских и американцев, и частную историю двух братьев, один из кото-

рых, чудаки и романтики, снимает на домашнее видео репортаж о земной жизни для внеземных цивилизаций. Увы, братьям понять друг друга труднее, чем постичь тайны Вселенной. Надо было видеть его лицо, когда в Москве, выйдя на поклон, он увидел бурно аплодирующего космонавта Алексея Леонова,

который не смог сдержать эмоций и решил выйти на сцену, чтобы поблагодарить актера. Тогда перед зрителями стоял тот самый мальчик, что наблюдал когда-то другие миры в скромной канадской прачечной.

Больше всего он любит, когда похвалы его работам напоминают ругательства. Ариадна Мнушкина (французский режиссер, драматург и сценарист, дочь кинопродюсера Александра Мнушкина) сказала ему после «Обратной стороны Луны»: «Это ужасный театр-кафе, вы делаете все, чего делать нельзя. Но отчего это меня так трогает?»

Или «Трилогия драконов» — спектакль, который длится шесть часов с тремя антрактами и рассказывает о судьбах Запада и Востока — от Торонто, Квебека и Ванкувера до Китая и Хиросимы. В основу его опять-таки легла история семьи Лепаж, его матери и ее двоюродной сестры, которая забеременела в очень юном возрасте и была выдана замуж за одного китайца, спасшего таким образом семью от позора. Конечно, это не документальный спектакль, многое там придумано и дописано, но атмосфера китайского квартала в Канаде, начиная с 1930-х годов и заканчивая 1985 годом, абсолютно подлинная. Сюжета как такового нет — есть поток сознания автора, театрального Пруста, и зрители видят, как две таинственные китайские старухи все рисуют и рисуют пейзажи своей утраченной родины, солдаты уходят на фронт под велосипедные звончки неумолимых рикш и звуки фокстрота, а канадский летчик говорит о любви с японкой из Хиросимы. Летчик парит над сценой, покрытой лампочками, — это инсталляция опрокинутого звездного неба, и мы опять смотрим на Землю из космоса и понимаем, почему, когда солнце встает над Гонконгом, в Ванкувере оно заходит. Мешаются англий-

ский, французский, японский и китайский, а русские зрители завороченно внимают этой саге о любви и утраченном доме, все понимая без перевода.

Частная история на фоне глобальных исторических событий и художник, который стремится слиться со Вселенной, с горным ми-

Детский опыт жизни в китайском квартале Квебека реализовался в спектакле Лепаж «Трилогия драконов»

ром, — вот две излюбленные темы Лепаж, присутствующие во всех его работах. Сам он называет свой театр барочным, потому что соединяет не сочетаемое, но на самом деле

ПРИСЯЖА ОБЩЕСТВЕННО

Творцу женщина нужна только как тема или повод — самый трогательный и искренний спектакль Лепаж посвящен Хансу Кристиану Андерсену

у него по-настоящему лирический, поэтический театр — возможно, последний в наш век заката режиссуры. Потому он так и действует, что личное высказывание в эпоху всеоб-

В последнем спектакле «Липсинк» голоса людей напоминают писк телефонов и электробытовых приборов

щей компьютеризации приобретает особое значение и ценится на вес золота. Этот голос можно слушать бесконечно — вот почему зрители в разных странах безропотно сидят девять (!) часов на его последнем спектакле «Липсинк» (он будет показан в конце июля на Чеховском фестивале, причем в двух вариан-

тах — или один раз девять часов, или три вечера по два с половиной).

«Липсинк» — это расследование смерти одного человека, детектив, состоящий из девяти историй про обычный человеческий голос. Голос как отражение индивидуальности, как удивительный инструмент выражения эмоций и переживаний. В спектакле звучат телефон и радио, пение и голоса с того света, звуковые галлюцинации и плач ребенка. Судьбы людей пересекаются между собой и становятся частью общей истории, но каждый голос звучит неповторимо. Здесь использованы самые современные театральные технологии, много фокусов — другого слова не подберешь. И здесь еще один секрет успеха Лепаж — он никогда не кажется старомодным, потому что в совершенстве владеет современным языком кино, видео и компьютера.

Как-то Лепаж признался, что творчество — это его психотерапия, помогающая решать самые сложные личные проблемы и воедино связывающая все политические, социальные и философские вопросы. Он и зритель на своих спектаклях стремятся оставить наедине с самим собой, не предлагает готовых решений, а дает чувство свободы, включает воображение.

Он любит цирк как первородное искусство и снимает фильм «Обратная сторона Луны» в цифровой технологии high definition. Обожает китайский театр и ставит в Европе оперы в декорациях, специально придуманных для того, чтобы голос певцов в них звучал лучше (за что оперные артисты его обожают). Заглядывая во Вселенную, ищет

ответа на глубоко интимные проблемы, часто вспоминая слова из «Соляриса» Тарковского: «Мы в космосе, чтобы создать зеркало для Земли». С его точки зрения, единственное, что нас интересует, — это мы сами, и даже Колумб, приплыв в Америку, искал там другую Испанию. ■